

Состоявшееся в канун Нового года одно из многих заседаний суда общей юрисдикции о возмещении морального вреда не обещало сенсаций. Тем более все закончилось мировым соглашением между истицей и ответчицей. Ответчица согласилась выплатить истице двадцать тысяч рублей (заявлено было сто двадцать пять тысяч). Необычным явился сам судебный процесс. Истица Надежда Правдина (фамилия и имя изменены) подала в суд на заведующую социально-педагогическим отделением «Камчатского центра психолого-педагогической реабилитации и коррекции» Ирину Ивлиеву. Забегая вперед, замечу, что Надежда Правдина два с половиной года добивалась того, чтобы этот суд состоялся. Дочь заведующей социально-педагогическим отделением, бывшая ученица 33-й школы, два с половиной года назад жестоко избивала дочь Надежды Правдиной за то, что та носила одинаковый с ней брелок. Несчастливая девочка получила сотрясение мозга, была публично унижена перед одноклассниками, которые спокойно наблюдали за избиением. Один из них все заснял на мобильный телефон. Как оказалось, виновница драки, дочь госпожи Ивлиевой, самого главного на Камчатке социально-педагогического психолога, после драки еще раз попала в историю. Она пришла на урок сильно выпившая. С кем не бывает в 12-летнем возрасте? Второй случай привода в милицию имел более тяжелые последствия. Избитая ею девочка отказалась ходить в школу, переживала сильнейший стресс. Она была сломлена морально и физически. Инспектор ПДН посоветовала обратиться в... «Камчатский центр психолого-педагогической реабилитации и коррекции». Корректировать психику ребенка взялся педагог-психолог и работник центра Алексей Тигай, подчиненный Ирины Ивлиевой. Пострадавшая девочка доверилась дяденьке пед. психологу. Как оказалось, зря. Был еще и другой психолог, знакомый с этой проблемой, – школьный, Светлана Кириллова. Она странным образом отреагировала на случившееся. Госпожа Кириллова, может, и попыталась составить социально-психологический портрет класса, в котором учились подравшиеся девочки, но, судя по всему, у нее ничего не получилось. И выдать внятные рекомендации классному руководителю не смогла, а тем более провести какие-то мероприятия по сглаживанию конфликта и сплочению коллектива в классе. Скорее всего, она, надеюсь нечаянно, стала одним из тех булжников, которые как попало шлепаются в воду, вызывая еще большее волнение в болоте. Школьный псих. специалист стала ретранслятором той информации, которую озвучивала ее начальница госпожа Ивлиева. Когда дело все же дошло до суда, ответчица «пригласила» своих подчиненных в суд (судья не вызывал свидетелей), и те стали свидетельствовать против дочери Надежды Правдиной. Причем господин Тигай информацию, доверенную ему пострадавшим ребенком, передал своей начальнице – ответчице по этому делу. А на суде дал показания против своей клиентки в присутствии участников драки, извратив все ее откровения до банального вранья. Чем вызвал новый эмоционально-психологический срыв и без того униженного подростка. Трудно представить себе, что эти поступки мог совершить профессиональный социально-педагогический психолог. В таком случае памятник Лаперузу значительно в большей степени психолог, чем господин Тигай. Этот камень с якорем хотя бы не вредит. Школьный же педагогический психолог ничего вразумительного рассказать не смогла. Все ее рассуждения сводились к одному: «Обе виноваты». Она даже не смогла выяснить, кто же является неформальным лидером в классе, разделен ли класс на группы влияния или однороден? Кто пользуется большим влиянием, на чьей стороне сами дети в этом конфликте и т.п.

Ответчица Ирина Ивлиева убеждала суд с пониманием отнестись к ее тяжелому материальному положению. Просила учесть, что у нее трое детей, и муж ей материально не помогает. Затем, видимо, для более сочной иллюстрации своей по-бабски несчастливой жизни, она заявила суду, что у нее был выкидыш. (В присутствии детей!) И даже справку была готова предоставить.

Позволю себе высказать некоторые суждения в адрес камчатских психспециалистов.

Похоже, психология как отрасль познания находится у нас в зачаточном состоянии.

Судя по действиям педагогических психмастеров «Камчатского центра психолого-педагогической реабилитации и коррекции», центр необходимо основательно почистить в кадровом смысле. Трех социально-педагогическим психологам: Ивлиевой, Кирилловой и Тигаю, уверен, нужно подыскать другую специальность. Из них психологи, как из пластилина пули.

И еще. Напрашивается сам собой один противный вопрос. Зачем нам нужен подобный социально-педагогический отдел психологической реабилитации с пятью психреабилитаторами? Трое работников отдела из пяти, во главе с начальником оказались профнепригодны. То, что случилось с Надеждой Правдиной – это не случайная единичная ошибка, а системный сбой в работе всего отдела.

Кого эти «психологи» способны реабилитировать, и что они могут скорректировать? Невозможно решать математические уравнения второго порядка, не освоив таблицу умножения, как нельзя прочесть книгу, не выучив азбуку.

В этой истории за скобками остался анализ демонстративной, немотивированной агрессии подростков, их полное пренебрежение понятиями «справедливо – несправедливо», «честно – бесчестно».

По словам главного камчатского педагогического психолога госпожи Ивлиевой: «Во всем виноваты компьютеры и телевизоры». Перечень виновных можно продолжить. Среди них окажется школа, детский сад, улица, бездорожье, слякоть, ненастье, день, ночь, повышенная солнечная активность, соседи, плохая экология, Соединенные Штаты Америки и т.п. Да, забыл, еще... газеты.

Вячеслав СКАЛАЦКИЙ.

Ниже публикуем ответ на запрос Надежды Правдиной директору КГБОУ «Камчатский центр психолого-педагогической реабилитации и коррекции»: